

Татьяна СМОЛЯК

Смоляк Татьяна Валентиновна родилась 14 июля 1970 года в городе Барановичи Брестской области, Республика Беларусь. Окончила Брестский государственный педагогический институт имени А. С. Пушкина (1994). Работает учителем русского языка и литературы в ГУО «СШ №15 г. Барановичи». Состоит в литературном объединении «Купальские зори» при Барановичской городской библиотеке и возглавляет детское литературное объединение «Купальскія зорачкі». Имеет публикации в сборниках стихов и прозы барановичских авторов «На крылах натхнення» и «Купальскія зоры», а также в литературном альманахе «Разноцветье» литературного клуба «Літара» (Брест). Является лауреатом конкурса «Тебе я, Несвиж, посвящаю» (к 800-летию г. Несвижа). Имеет публикации в «Настаўніцкай газете». Является автором гимна поисково-спасательного отряда «Ангел» Брестского региона. В качестве члена жюри участвовала в Первом международном православном фестивале духовного творчества «Богородице похвалу воспоём». Имеет опыт ведущей литературных чтений, посвящённых классикам русской литературы, при городской библиотеке имени В. Тавлая. Выступала на международном литературно-музыкальном интернет-радио «Страна талантов». Поэтесса, прозаик. Автор книги «Карта моего пути» (эссе и стихи), а также детской книжки «Машкина ромашка». Дипломант различных конкурсов и фестивалей. О своих симпатиях в искусстве писательница говорит так: «Я люблю читать, и здесь предпочтения разные: рассказы А. П. Чехова и проза К. Г. Паустовского, произведения Ю. Нагибина и Ю. Трифонова, стихи Н. Рубцова. Увлекает и современная зарубежная литература: романы Даниэла Мейсона и Фредрика Бакмана. А ещё я киноман со всеми вытекающими...». Источниками творческой энергии для Татьяны Смоляк являются мир природы и взаимоотношения людей, семья и домашние праздники, старинные вещи, а также путешествия. Писательница живёт в городе Барановичи. Пишет на русском и белорусском языках. Вашему вниманию – малая проза автора.

АНТОНОВКА

Осенью, не ранней, а такой полноценной, срединнооктябрьской, деревенский воздух насыщен смешанными запахами. Доминируют островатогорькие ноты сжигаемой в пламени костра опавшей листвы, переходя в более низкую тональность с примесью сладковатого дымка – это горит высушенная картофельная ботва. Характерный весёлый треск сопутствует процессу: высоко пляшут языки пламени, провожая своим танцем ясные дни перед затяжными ноябрьскими дождями и низкой мглой.

Отчётливо выделяются мелкие золотые листья берёзы на фоне высокого и насыщенно-голубого неба, трава сочно зеленеет после сентябрьских дождей. Еле уловимый яблочный запах витает над старыми деревенскими садами, посаженными много десятилетий назад. Наладились нынче садоводы в наших краях отдавать предпочтение всё больше модным сортам: «Голден», «Ханни Крисп», «Редфри». Такие реалии диктует время. Без сомнения, хорошее яблоко – вон как народ на базарах-ярмарках за ним толпится. Однако нет в нём того душистого аромата, который присущ «Белому наливу», «Штрифелю» и, конечно, царице осени – «Антоновке».

Помню, в моём детстве, годах 70-ых прошлого века, картошку копали в конце сентября. Иногда «докопки» проходили и вовсе в октябре. Погода, как положено, была осенняя: ветрено и дождливо. И вот сидишь на полном отборной картошкой домотканом мешке, заботливой рукой бабушки украшенном цветными заплатками. А ткань-то узнаваемая: эта полосатая отметина пришита недавно – свежая, полотенце бывшее кухонное. Точно оно, ещё недавно возле печи висело. Трогаешь своей детской ладошкой поверхность мешка и ощущаешь картофельные бока, плотно друг к другу уложенные. Пахнет от них свежей землёй и ещё чем-то непонятным, но как будто давно знакомым.

Будоражит этот запах. Странное чувство сопричастности к чему-то большому и глубинному как-то ещё не совсем понятно твоему детскому сознанию. Рядом в длинных картофельных бороздах, дружно наклоняясь, работают мама с бабушкой и другие люди, помогающих нам. Папа крепко держит плуг, идя вслед за лошадью, которая движется с трудом по влажной земле, кивая головой с растрёпанной гривой. Она тоже пахнет, но это живой и простой запах. Бока у неё тяжело ходят, после нескольких выкопанных борозд папа старается давать отдых уставшему животному, вызывая неудовольствие приглашённых копальщиков. Они торопятся закончить работу на нашем участке, чтобы перейти на следующий, поэтому папин гуманизм расценивают как помеху намеченному плану. Маме с бабушкой приходится снимать возникающее напряжение какой-нибудь шуткой или другим манёвром.

Вот тогда бабушка выносит из хаты чугунок с горячим, в печи настоявшимся, яблочно-грушевым компотом. Его с удовольствием пьют, хвалят при этом густой и насыщенный вкус. Аромат белым облачком вьётся над глиняными кружками. Даже лошадь втягивает воздух широкими ноздрями, а потом

забавно ржёт, вызывая смех людей. Мама срывает с ветки яблони одну из висящих антоновок и протягивает лошади. Та принюхивается и вот уже аппетитно хрустит спелым яблоком. Окружающие вновь хохочут. Я тоже прошу сорвать и для меня ставшим вдруг таким манящим лакомством плод. Мама тянется за новым яблоком, предупреждая, что оно слишком холодное, и получу я его позже. Бабушка уносит в дом антоновку.

Где те благословенные дни? Тёплым коконом заботы и любви я укутана, словно нежным пухом. Бабушка трогает своими шершавыми ладонями моё лицо и руки, чтобы убедиться, не холодно ли внученьке. Папа устраивает догонялки, ловко уворачиваясь, когда я почти настигаю его. Хитрость понятна: продлить игру опять же с целью согреться. А мама просто заглядывает мне в глаза, проверяя тем самым, всё ли в порядке.

То самое чувство сопричастности уже не кажется непонятным. Оно явно ощущается мною, пятилетней девочкой, одетой в красное вельветовое пальтишко на поролоновой подкладке и укутанной в тёплый бабушкин платок, плотно сидящий на голове и крест-накрест обнимающий спину. Это чувство единства, когда ты являешься частью того уклада, которым жили до тебя и продолжают поддерживать живущие рядом близкие и родные люди.

Потом будут посиделки с угощением в честь выкопанной картошки. Стол с традиционными «шкварачками ды яечняй», «бульба» и простые, но такие знакомые и любимые «стравы». Вдруг я вспоминаю про яблоко и прошу бабушку принести его. Меня поражает необычность плода: бока словно светятся. Электрическая лампочка, к которой я поднимаю руку с антоновкой, делает это очевидным. Наливное – вот как называется такое чудо, так объясняет мне яблочное сияние мама.

Домашний уют, голоса взрослых, множество событий – всё это начинает навевать дремоту, в которую я медленно погружаюсь. День был наполнен впечатлениями, как наливная антоновка – соком. Мама подхватывает меня на руки и переносит на кровать. Голова касается прохладной подушки, и я спокойно засыпаю.

Высушенные деньги.

...И души

В русском языке тысячи фразеологизмов. Они очень уместны в определённых житейских ситуациях. Иногда по началу фразы можно без особого труда подобрать концовку. Скажем произносишь глагол «суши» – и возникают варианты: сухари, вёсла, ещё что. Но вот деньги сюда никак не вписываются, вернее, их сушка... Но я расскажу вам, для чего сушат деньги, а также о том, как порой такие деньги беспощадно иссушают человеческие души.

Начну с моей бабушки Воли, которая родилась в 1912 году в глубинке Ляховичского района Брестчины: там, в деревне Перехрестье, как и в других подобных, многие семьи – в родственных связях. Братья-сёстры, тётушки-дядюшки и прочие шурины ходили раньше друг к другу на свадьбы, крестины, похороны, да и просто на посиделки. Всё это украшало селянский уклад жизни, мало изобилующий весельем. Вот и бабуле Воле, весьма позитивной и дружелюбной, нравилось выходить «у людзі». В пору моего детства, в 70-е годы, мы с ней это делали с обоюдным удовольствием.

И вот как-то июньским прохладным вечером пошли мы навестить бабушкиного троюродного брата Галубчыка: так его «па-вясковаму» называли. Тому было простое объяснение: дед Юзик имел привычку прибавлять к имени собеседника слова «галубчак ты мой» или «галубка», в зависимости от пола. Так и сельчане отблагодарили его тем же.

Жил дед Юзик с женой почти на краю деревни, в крепком и просторном доме с деревянным полом. Последнее обстоятельство весьма будоражило моё детское воображение. У нас в хате пол был земляным, утоптаным за долгие годы пользования до большой твёрдости, однако ж его нельзя было вымыть – только подмести, предварительно сбрызнув водой, «каб зямлю не выдзіраць»: так поучала меня бабушка.

Я как увидела те широкие жёлтые доски пола в доме деда Галубчыка... Они так и просились быть намытыми, а не просто подметёнными. Я так мечтала сделать это в нашей хате, чтобы потом любоваться чистотой и свежестью, наслаждаться особым ароматом, которым дышит вымытый деревянный пол. У всех моих подружек по деревне в хатах были полы, я тоже очень хотела как-нибудь вот так выйти, посидеть на лавочке вечером, перечисляя сделанную за день работу – и при том обязательно упомянуть в числе прочего мытьё полов. Это меня делало, казалось, более взрослой, повышало внутреннюю самооценку. Это, на минуточку, не лебеды для поросёнка нарвать или вечером кур на жёрдочке пересчитать. Это – серьёзное женское дело. Бабушкина пенсия в году примерно 1978-м не потянула бы на то, чтобы положить пол в нашей хате. Мама сделала это лет через десяток, когда я уже стала студенткой...

И вот мы с бабушкой, помню, дошли до конца деревни, поднялись на «ганак» – высокое бетонированное крыльцо дома деда Галубчыка. Постучав из вежливости, открыли дверь и увидели его с хозяйкой за столом. А дедова жена, стоит заметить, была весьма неординарной особой: не в смысле внешности, а в отношении беспечности к собственному здоровью и чистоте. Имя у неё было – Маня, но в деревне всех называют за глаза «мянушкамі», то есть кличками. Так бабу Маню звали Дуброўкай. Как и почему закрепилось за ней такое прозвище, неизвестно, однако пришлось ей больше, чем данное от рождения имя.

Впрочем, предположить происхождение «мянушкі», пожалуй, могу... Ноги Дуброўкі практически не знали обуви. Ступни ее были твёрдые и чёрные, потому как до крепких ноябрьских морозов ходила босая. Даже не ходила – бегала, ловко управляясь по хозяйству. Оно же было весьма внушительным для обоих, уже немолодых, годам к семидесяти хозяевам. Свиноматка давала постоянный приплод, и корова тоже – по-моему, их даже было две. Куры-гуси-утки – тех и вовсе не сосчитать, собака и кот, конечно, были. Смысла в процедуре мытья ног баба Маня, думаю, не видела, поскольку завтрашний день повторял предыдущий: те же заботы по хозяйству: хлев-курытник-огород. Возможно, кора дуба, которую напоминали сильно «парэпанья» ступни ног бабы Мани, была в основе мянушки? Кто знает...

Эти двое, сидя за столом, вовсе не трапезничали. Дед Юзик с бабой Маней раскладывали ровными рядами денежные купюры, которые тут же извлекали из трёхлитровой банки.

– Вечар добры ў хату... – дежурно произнесла бабушка. И внезапно застыла на пороге, так что я даже уперлась лбом в её спину. И затем оторопело спросила:

– Што гэта вы робіце?

– Грошы сушым, бо ў пограбе, вядома, сырасць... То добра, што Маня агледзела, – пояснил странные действия дед Юзик.

Довольная этим одобрением, Дуброўка молча улыбалась. Она не была жадной до денег. Своих детей у них с дедом Юзиком не случилось, а от первого брака у него были дочери, да и внуков хватало. Но большой привязанности к родному семени дед, видимо, не чувствовал. Со всей искренностью, на которую был способен, любил деньги. В эти всяческие тайны меня потом посвятила бабушка. В жару и в холода дед отправлялся в город, на базар, одетый всегда одинаково: мундир военный без погон, галифе, обут в хромовые сапоги с высокими голенищами. Все это приобретал он у сельчан, чьи сыновья имели отношение к армии. Дед, помимо страсти к банкнотам, питал слабость и к военному обмундированию. А в ежедневном пользовании были защитного цвета рубаха и такого же цвета брюки, заношенные до степени облачения гоголевского Плюшкина. На базар дед Юзик вез всё: сало, масло, творог, яйца, и также зелень, ягоды, фрукты, овощи – по сезону. Сам не знал отдыха и сна, и в таком же изматывающем ритме жила баба Маня. Тяжёлый физический труд имел свой результат: «грошы». Помню, как тщательно под кусты красной и чёрной

смородины там подстигалось какое-то тряпье: чтоб ни одна ягодка даже упав не могла пропасть. Всё должно было приносить доход!

Дед Юзик был явно доволен тем эффектом, который произвели на мою бабулю их манипуляции, а также количество денег, подлежащих просушке. Чтобы сильнее впечатлить масштабом деяний, на подъёме продолжил:

– Вось і печ палім, бо зверху сушацца тыя, што падсырэлі. А ты, Волька, праходзь, здымай куфайку... І дзеўчына хай раздзяецца: во зараз вячэраць будзем.

Тут моя мудрая бабуля, взявшись якобы помочь внучке расстегнуть замок на куртке, прошептала мне тихо несколько слов.

– Юзік, Маня, дзякуй, але ж мы пойдзем. Дзеўчына кажа, што нешта ў жываце раптам закалола. Саромеецца сказаць. Ну, Танька, скажы: гэдак ці не?.. – бабушка на ходу ловко выдумала причину нашего быстрого ухода.

Я, опустив глаза, молча кивнула головой. Баба Воля чуть потянула меня, по ходу выражая сожаление хозяевам из-за вынужденного прощания.

По дороге домой она бурчала: «Бачыш, грошы яны сушаць... А потым, як не знойдуць рубля ці пяцёркі, хто ж будзе вінаваты?.. А во, скажуць, Воля з дзеўчынай была».

Скромная пенсия бабушки и такое же хозяйство – двое поросят и куры – не позволяли ей делать денежных запасов. Жила, не откладывая на чёрный день. Завидовать другим не умела. Война, тяжёлая жизнь, смерть мужа – всё это не озлобило мою бабу Волю, наоборот, сделало её способной сопереживать чужому горю и страданиям.

Теперь, через годы, имея и свой запас житейского опыта, я понимаю выстрадавшую ей природную чуткость и деликатность. Бабушка умела просто, но искренне принять гостей, накрыть стол нехитрым угощением: рассыпчатой «бульбачкай» и солёными огурчиками со своего огорода, «яечняй са скварачкамі». Потому с удовольствием ехали к ней на побывку братья отца моего, кумовья и друзья родителей – отогреться душой, послушать истории «польскага часу» и старые песни, которые она пела в особой манере, только ей свойственной. Помощь соседям – а поводов было всегда предостаточно – и это было в порядке вещей. Летним днём, помню, тяжело едет по деревенской улице груженный сеном воз – это делают запасы на зиму тётка Ядя и дядька Терентий Грицуки. От их коровы и нам с бабушкой перепадает по литру в день парного молока. Бабуля, видя, как соседи распахивают ворота, сама тут же хватается вилы, да и мне сует грабли: мы идём на разгрузку сена. А ещё «дзялкі – тяжкая доля для всех деревенских. Кто из них не проклинал эти посадки кормовой свёклы, ровными рядами уходящие в бесконечность... Они забирали кучу времени, отрывали от забот по своему хозяйству, делали коротким и без того сон. Давали дзялкі добровольно-принудительно, обращаясь к советской сознательности колхозниц. А коль не возьмёшь, то и зерна не получишь, комбикорма и прочего нужного для скота корма. У бабули дзялак не было, ведь пенсионерка, но «трэба ж памагчы» – и вот на пару с ней я тоже вишу в поле, под палящим солнцемна тятке, серьёзно отставая от идущих вперёд женщин.

Сегодня уже с улыбкой вспоминаю неумение бабы Воли хитрить. Как-то в очередной раз наводя порядок в шкафу, мама не находит красивого праздничного платка, который недавно подарила бабушке. Допытывается: куда мог подеваться? Бабушка вначале молчит, потом, понимая, что поиски безуспешны, открывается: да вот шли погорельцы через деревню, «такія га-рушчыя ды бедныя»... В следующий раз исчезает другая вещь: какая-нибудь вязаная жилетка ушла вместе с приходившей дальней родственницей, попавшей «у бяду».

...И вот я размышляю о той сушке денег и думаю: ведь не затхлые денежные купюры, не их количество в трёхлитровой банке нарушили душевное спокойствие бабушки в тот вечер. Видимо, поразила в не чужих ей людях душевная сухость: отсутствие тепла в отношении к родным – при наличии такой безмерной любви к отсыревшим бумажкам. И это все вместе в них как-то уживалось...

Скарედность, алчность, сребролюбие и стяжательства никогда не омрачали светлую душу моей любимой бабушки Воли. Такой «бяды», такого «насланья», которое исподволь иссушает душу, я с большой благодарностью к генам и Всевышнему не обнаруживаю и в своей дочери.

«Как удивительно тасуется колода», – писал великий Михаил Булгаков в своём бессмертном романе «Мастер и Маргарита». И те купюры на столе были похожи на колоды карт... Крапленых карт, которыми невидимый игрок, вовлекая нас в опасную игру, обыграет нагло и беспощадно.

Про школу

Школа... Для меня это слово многозначное. Не в смысле лексического значения, типа ручка дверная и шариковая. Тут конкретика иная: много значит в моей человеческой, читай – учительской жизни...

В живописном зелёном районе нашего города расположена моя уютная школа с самым что ни на есть говорящим адресом – улица Гаевая. Две параллельные аллеи: каштановая и туевая, ведущие к зданию, высажены руками школьников. Давно выросли деревья, впрочем, как и дети. Соседство лесной зоны дарит неожиданные встречи с белками, иногда можно увидеть дрозда или овсянку, зимой синички и даже снегири навещают.

Восемь ступеней крыльца – и перед вами открывается удивительная страна со своими законами и традициями. В основу любого государства заложены устои, которые складывались веками. Без этого крепкого фундамента не будет прочной выстроенная конструкция. Школа – то же государство, особый мир, в котором наши ученики проживают 11 лет.

Глядит на белый свет всеми своими 243 глазами-окнами этот наш общий дом! Здесь все перемешалось: детство и зрелось, юность и романтика, наука и искусство, мечты и реальная жизнь. В этом доме, как у всех, бывают встречи и расставания, победы и проигрыши, а значит, радость и слезы. Школа живет нескучной жизнью.

Давно тружусь на ниве просвещения, почти тридцать годиков моего стажа натикало ... И не жалею, потому что, да простят мой пафос, выбрала сердцем свою стезю. Преподаю русскую словесность: язык и литературу.

Встречались на пути ямы с ухабами, но были и вершины. Туда возносили меня поступки учеников, нынешних и бывших. Действительно, невероятно красив бывает человек в своём душевном полёте, который служит примером и остаётся в памяти. Но рассказать хочу совсем о другом. Итак...

Имя – величина постоянная. Фамилия – величина переменная. Это я про нашего брата, вернее сестру, ибо с рождения принадлежу к прекрасной, без ложной скромности, половине человечества.

На моём веку – ещё не очень пожилым...тут сделаю реверанс в сторону ВОЗ, заметно продлившей возраст молодости. Так вот за прожитые мною годы случилось пока единожды сменить фамилию. Да – единожды. С девичьей – на мужнюю. Обмен был почти антонимичным: с Мороз – на Смоляк. Метафора, что уж тут скажешь, по-пушкински:

Они сошлись. Волна и камень.
Стихи и проза, лёд и пламень...

Фамилия – она ведь как одежда. Поначалу, будучи новой, немного неловко сидит, но с годами постепенно обминается. Наступает привыкание, хотя вещь-то, по правде сказать, тебе сторонняя ...

Вот и ношу я этот в общем-то чужой мне предмет уже полжизни. И хочу сказать, что в плечах не трещит, да и рукава – в самый раз, не коротки. Мы теперь родня. Хотя казусы случаются.

Дело было во время школьных экзаменов. Писали мои девятиклассники изложение по русскому языку, моему предмету. Стоял прекрасный июньский день. За окном буйствовало лето: яркая зелень, солнечные лучи. Каникулы, если без поступления, маячили впереди почти трёхмесячным лакомым куском. Однако в кабинете атмосфера была противоположная: напряжение, сосредоточенность.

Текст изложения повествовал об охотнике и его товарищах. Они развели для ужина костёр, палатку поставили: готовились к ночлегу. Дежурили поочередно ночью, подбрасывая поленья в огонь, чтобы не затухал. Однако кто-то из них всё же проспал своё дежурство. И наутро костёр был обнаружен погасшим, вокруг лежали смоляки.

Из уважения ко мне и всей родне моего мужа слово «смоляки» было написано с большой буквы многими учащимися. Да-да! Коллеги-филологи, проверяя тексты изложений, дружно смеялись. Более того, сбегали к математикам в соседний кабинет, подняли настроение людям. Те трудились параллельно, корпели над функциями и дискриминантами.

Так что никогда не узнаешь, выходя замуж, какие ассоциации вызовет у окружающих твоя новая фамилия.

Вопрос, как говорится, риторический.

Летняя благодать

Лето. Долгожданное и такое стремительное. Словно стёклышки калейдоскопа меняются картинки дней. И в эти быстротекущие, отведённые природой каких-то 12-14 недель, втиснуто столько красок, запахов, зримых ощущений...

Июнь. Яркая зелень, насыщенная, фактурная. Листья на деревьях и кустах, трава – всё празднично-нарядное. Буйство ароматов. Вот только щекотала ноздри сирень, пионовое великолепие окутывало густым и пряным настоем, а уже благоухает жасмин. В середине месяца запах липы наполняет улицы и дворы. Резвый ветерок, играя занавесками, щедрыми пригоршнями швыряет его в открытые окна. Цветут ирисы, каких только замысловатых сочетаний красок здесь нет! Словно экзотические рыбки, чернильный низ и белый гребешок сверху, а вот благородный лососевый, рядом насыщенный фиолетовый, лимонно-жёлтый и традиционный синий. Запах цветов тонкий, особый. По вечерам в воздухе витает огородная укропная тема. Скоро-скоро подспеют огурчики. И хозяйки бодро начнут сезон закаток-маринадов. В простецкую огородную тему горчинкой добавлена полынь. А из распахнутых глаз ромашки и смущённо прикрытых густо-ажурными ресницами очей василька рвутся воля и свобода. Но разве может что-нибудь сравниться с запахом свежескошенной травы – вот где благодать! И морозная свежесть январского утра, и разрез арбуза, обнажающий мякоть, которую вдыхаешь до одури. Вечером с полей доносится тёплый аромат жита, пробуждающий что-то забытое, древнее. Какой-то глубинной радостью наполняет этот житнёвый мотив. Так, наверное, просыпается в тебе зов предков. Нежно-голубой лён не особо пахуч, но вместе с житом открывает зашифрованный временем код. Руки помнят эту шелковистость стебля, постепенно превращаемую солнцем в волокна будущей ткани.

Июль. Щедрое солнце и упругие струи тёплого дождя. Росная трава на рассвете и невероятные закатные оттенки ало-багрово-красного цветов. Аисты с подросшими птенцами теснятся в жильё, ставшим в одночасье малогабаритным. Смолистый хвойный лесной аромат и ягодное изобилие. Землянично-черничный рай впускает в свои ворота. Спелая малина протягивает навстречу ветки с душистыми плодами. Опустись нос в посудину с этими пахучими дарами лета – и голова идёт кругом. А возле леса высятся подсолнухи, словно прилежные ученики за учителем, поворачивающие свои светлые головы вслед солнцу. Наливаются спелостью колосья и постепенно опускаются в земном поклоне, благодаря щедрую матушку-землю. Кукуруза баюкает на руках тугие початки, похожие на спелёнутых младенцев. Водная гладь озёр и струящаяся поверхность рек. Иногда в лесной тиши студёной свежестью порадует криничка, сочетая в себе открытый характер песчаного дна с хитроизвилистым нравом. В небесной лазури парят жаворонки, вознося гимны Мирозданию, которое творит это совершенство. Плывут кучевые облака, создавая

причудливые дворцы с множеством башенок – владения неведомых герцогов и королей. А вот армады рыцарей в доспехах и латах спешат проявить доблесть. Им на смену являются дамы в старинных платьях с фижмами и кавалеры в камзолах да париках с косицами. Сколько ещё фантазийного заготовлено там, наверху... В палисадниках природой создана не менее яркая палитра: при- торный аромат разноцветных флоксов, строгость благородных гладиолусов, одинокая осанка царственных роз вперемежку с глазастыми георгинами. К су- меркам остро и пряно запахнет ночная фиалка, хотя её остро вырезанные ли- ловые цветочки выглядят весьма просто. Деревенские вечера, настоянные на травах, посиделки с воспоминаниями о прежних временах и людях, которых уже нет...

Жнівень... Август по-русски. Название на родной мове оправдано самой природой. Вот беременные яблони тяжело опустили свои ветви, усыпанные плодами. А рядом черешня, как родившая молодка, простёрла вверх тонкие руки.

Жнівень – пора жать. Солнце набрало силу, и его материнские лучи сде- лали зерно тёплым и спелым. Торопятся в поле комбайны, провожаемые по- нимающими взглядами сельчан: хлеб добывать пошли. Благое и древнее дело. Х лопцы комбайнёры и помощники широко улыбаются из кабин – это их время, сейчас они – герои. Горячая пора, как говорили наши предки. Деловито торопятся вслед за комбайнами МАЗы: зерно везут сушить, сначала на мест- ные зернотопки, а потом – в район. Ляжит оно золотой горкой в прицепе ма- шины, заботливо обнятое брезентом, словно младенец пелёнкой.

И пока оно будет спеть, будем жить и мы, люди. Иначе нельзя. Эта ис- тина бесспорна, как рассвет и закат, как материнская колыбельная, как креп- кие отцовские объятья.

Спасибо тебе, родная земля, за урожай!

Спасибо за старательность и трудолюбие жителей твоих!

Спасибо за счастье жить под мирным небом!

Безвременье

Безвременье... Так я ощущаю себя в полёте. Времени нет, или тебя нет в нём на те несколько часов, которые ты проводишь будучи поглощённым чревом самолёта.

А народ по-разному воспринимает высоту. Кто-то буквально с первых минут начинает броуновское движение: доставание пакетов, сумок, рюкзаков, внезапно понадобившейся одежды из отведённых для хранения ячеек над головой; хождение по салону самолёта для срочного разговора с друзьями, волею судьбы через несколько кресел сидящими. Ну и, понятное дело, туалетные вопросы.

Кто-то победил систему и пронёс запрещённое – жестяную банку пива, а теперь свысока взирает на послушных запрету. Кто-то с вожделием смотрит на приближающегося стюарта с тележкой, ибо в ней еда и питьё. А человек, как известно, слаб душой, телом и подавно. Алкает человек удовлетворить желудочно-кишечную потребность, тем более на высоте.

Есть народ, охочий до интеллектуальной пищи. Эти запаслись заранее: накачали в телефоны фильмов, игр, прочих развлечух. Иные предпочли древний бумажный вариант: книги, журналы, брошюры. Уткнули в них носы – и мозг, знай себе, потребляет.

Есть и такие, что коротают время от точки А до точки В, погрузившись в дремотно-спящее состояние. Летают во снах, летя в самолёте. Тавтология, но такое вот надземное бытие.

Особый тип – пассажиры, перемещающийся с детьми. Тут вид человеческий представлен мелким калибром, начиная особями нескольких месяцев от роду. Пуговики-носы и глаза размером со Вселенную являют полное доверие к ситуации. Не тревожит их ни высота, ни турбулентность. Наличие мам-пап, сухого подгузника и еды с питьём – вот, пожалуй, перечень основных условий душевного и физического равновесия. Конечно, исключения, как и в любом правиле, находятся...

А за иллюминатором плывут облака, под нами расстилается земля. Разные страны остаются позади. Пилот рассказывает о городах, что раскинулись далеко внизу, о температуре за бортом и скорости движения воздушного судна. Иногда гряды облаков, как стражи чертогов Снежной королевы, скрывают видимость. Плотный заслон из них делает пространство похожим на десертно-бисквитную прослойку: земля, воздух, облака. Вдруг горные хребты дружными рядами вырастают на пути. Неведомым ваятелем причудливо изрезаны их склоны, шапки снега укрывают вершины, серпантины дорог тоненькими змейками обвивают высотные массивы.

Таким игрушечным и декоративным кажется всё находящееся внизу. И пусть многое: дороги, города, даже летящий самолёт – создано руками человека, но величие природы очевидно, особенно в состоянии полёта. Когда ты

плывёшь в безвременье, отчётливо осознаёшь свою малость перед могуществом мироздания...

Вспомнились строки из романа «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, где герой утверждает, что существование человека зависит только от него самого. Нет, уважаемый Михаил Александрович Берлиоз, человек никак не управляет своей жизнью и судьбой, иначе заседание МАССОЛИТа обязательно состоялось бы... Вот так же и ты не можешь повлиять на изменчивое воздушное пространство, во власти которого находишься, а ещё зависишь от морального и физического состояния пилотов, управляющих самолётом. Да и вообще много факторов определяют хрупкость твоего бытия...

Остаётся только быть в доверии к тем силам, что когда-то определили дату твоего рождения и, слава Богу, скрыли дату ухода. Быть в доверии и принимать разные обстоятельства и события, день за днём разматывающих клубок цветной пряжи, называемой жизнью. И пока тянется твоя ниточка судьбы, благодарить за всё: встречи и расставания, падения и взлёты, приобретения и потери. Иначе невозможно, ибо рука дающего щедра до поры, до той черты, откуда нет возврата...

Так возрадуемся, други мои! Вон как тот румяный малыш, блаженно спящий в своей младенческой безмятежности на руках у матери. Как седой мужчина средних лет, который с почти детским восторгом и любопытством следит за меняющейся картинкой в иллюминаторе. Оба они, как и все летящие пассажиры, вытянули свой счастливый билет – родиться на земле человеком. А это звучит гордо! Классик говорил.

